

Любитель сладкого

Маргарет Толбот

а

английский детский писатель Роальд Даль (1916–1990) писал свои книги в крошечном домике («писательской хижине», как он ее называл), к которому ведет укрытая зеленой изгородью дорожка между скрученными липами. Даль был очень высокого роста — шесть футов и шесть дюймов — и должен был чувствовать себя здесь, как великан в домике эльфа. После смерти писателя его вдова Фелисити раз в году приглашает детей в его поместье «Грейт Миссенден» в Бэкин-гемшире, и семьи местных жителей съезжаются туда, как гости на шоколадную фабрику мистера Вилли Вонки. Там можно поиграть в «Крысолова» или в «Угадай, сколько конфет в банке», полакомиться пирожными, побаловать себя апельсиновым лимонадом, и все это под звуки военного оркестра, расположившегося в тени дома. В этом году я сама отправилась туда. Назначенный день выдался жарким и солнечным, небо было ясным — сам Даль назвал бы его «молочно-голубым». На головах у девочек

красовались парусиновые шляпки, мальчишки были в шортах, и их бледные ноги так и просились под солнечные лучи.

Многие дети заглядывали внутрь писательской хижины (входить туда им не разрешалось) и, похоже, приходили к выводу, что Даль был странным симпатичным взрослым, который любил сладости и обожал всякие хитроумные изобретения. Кто-то из детей попросил разрешения взять в руки шар, сделанный юным Далем из оберток шоколадных плиток. Каждый день, проглотив шоколадку за завтраком, он запихивал обертку в этот шар. Теперь шар стал твердым, неожиданно тяжелым и скорее напоминает небольшое пушечное ядро. Однако больше всего детей, кажется, поражает собрание дешевых изданий произведений самого Даля. «Гляди, — восклицают некоторые из них, — тут книги!»

Первая книга Даля, «Гремлины», была опубликована в 1943 году, а последняя, «Минпины», издана уже после его смерти, в 1991-м. На протяжении полувека он пользовался удивительной популярностью. Во время проводившегося в 2000 году опроса британские читатели назвали его своим любимым писателем. Ежегодно на земном шаре продается более десяти миллионов экземпляров его книг. Это тем более поразительно, что Даль не писал романов с продолжением, что для детского писателя часто является залогом коммерческого успеха, и не

писал книги специально для мальчиков или девочек, хотя в наше время многие произведения детской литературы в интересах сбыта ориентируются прежде всего на детей одного пола.

В то же время Даль не нравится или не внушает доверия многим взрослым, хотя они не всегда могут объяснить причину своей антипатии. Как правило, в книгах Даля взрослые, дурно обращающиеся с детьми или животными, сами попадают в неприятное положение, причем мстят им обычно сами жертвы. Как и Джордж Оруэлл, Даль отчетливо понимал, почему взрослые порой вызывают у детей отвращение или страх. «Одна из причин уродства взрослых в глазах детей заключается в том, что дети смотрят на них обычно снизу вверх», — пишет Оруэлл. Даль как-то сказал, что взрослым следовало бы неделю походить на коленях, чтобы вспомнить, каково жить в мире, населенном могущественными созданиями, которые грозно маячат у вас над головой.

Отрицательные персонажи Даля не просто плохие люди. Они отвратительны. Некоторые взрослые читатели считают это перебором, однако многие дети от них в восторге. Даже взрослые положительные персонажи часто совершают у Даля необдуманные поступки или легко впадают в панику, в то время как дети обычно рассуждают здраво, отличаются зрелостью суждений и невозмутимостью. Все правильные решения у него

принимают дети, заметил мой девятилетний сын. В повестях Даля они всегда что-то придумывают и предлагают, и их предложения, хотя и отвергаемые взрослыми как невыполнимые и опасные, приносят замечательные результаты. Когда гигантский персик оказывается в океане, на него нападают акулы и Джеймсу приходит в голову заарканить стаю чашек, чтобы персик взлетел на воздух, и все происходит именно так, как он задумал.

Произведения Даля регулярно появляются в составленном Американской библиотечной ассоциацией списке книг, которые, по мнению взрослых читателей, не должны попадать в руки детей. В 1995 году одна мать, пытаясь добиться изъятия книг Даля из библиотек начальных школ штата Виргиния, сказала корреспонденту «Вашингтон пост», что в этих книгах «дети дурно себя ведут, наказывают взрослых и это никогда не кончается для них плохо». Согласно этому удивительно распространённому критическому мнению о творчестве Даля, оказывать неповиновение взрослому — независимо от его качеств — значит бросать вызов всем нам...

В детстве самого Даля было много прекрасного, даже сказочного, но он познал и горечь, и суровое обращение взрослых. Он родился в 1916 году в Ллэндафе (Уэльс) в семье норвежских иммигрантов. Его отец Харалд был успешным судовым брокером. Его замечательная и очень

одаренная мать Софи обожала его и выделяла из числа остальных своих детей. Когда Роальду было три года, его старшая сестра, семилетняя Астри, умерла от аппендицита. Харалд Даль был до такой степени убит горем, вспоминает Даль в своей автобиографической книге «Мальчик», что не имел сил бороться с приступом пневмонии и скончался два месяца спустя.

Каждое лето Софи увозила детей в Норвегию на далекий остров, где Роальд слушал удивительные истории о ведьмах и троллях, плавал в синих льдах фьордов и ел мороженое, в котором блистали «тысячи лепестков жженого сахара». С девяти лет Даль учился в британских школах-интернатах, которые принесли ему главным образом страдания. В «Мальчике» значительная часть повествования — рассказы о побоях, перенесенных им от директоров школ. Порка тростью была самой распространенной формой наказания. «Я боялся этой трости», — пишет Даль. — Да на свете и нет такого мальчика, который не испытывал бы таких же чувств. Это был не просто инструмент для наказания. Трость наносила раны, раздирала кожу, оставляла жуткие синяки и кровоподтеки, которые не исчезали по три недели после порки. И на протяжении всех этих трех недель вместе с ранами саднило ваше сердце».

В школьные годы способности Даля, похоже, недооценивались. Табель успеваемости «Рептона» за

1930 год — ныне экспонат музея Роальда Даля в Грейт Миссендене — содержит следующую оценку его успехов по английскому языку: «Постоянно путает себя и других, говорит и пишет совсем не то, что хочет сказать. Не в состоянии по-настоящему привести свои мысли в порядок, чтобы избавиться от этого недостатка. Весьма скромных способностей». Даль находил утешение в играх и спорте. Высокий рост, вероятно, защищал его от изрядной доли мучений, и, еще будучи подростком, он начал зарабатывать те прозвища, которые позднее закрепились за ним — Сталки («Высокий») и Лофти («Гордый»). Он и другие мальчишки из «Рептона» получали удовольствие от занятых подарков шоколадной компании «Кэдбери». «Время от времени каждый ученик нашей школы получал простую серую картонную коробку», — пишет Даль в «Мальчике». Внутри нее находилось одиннадцать плиток шоколада — опытные образцы, которые компания собиралась запустить в производство. Даль и другие мальчишки дегустировали их, причем относились к этому очень серьезно. Один из вердиктов Даля звучал так: «Слишком тонкий вкус для обычного нёба». Позднее он вспоминал, что именно в ту пору стал воспринимать шоколад как нечто сложное, как результат лабораторных исследований и что эта идея не покидала его до тех пор, пока он не придумал свою потрясающую «шоколадную фабрику».

Чарли и фабрика кино

Спустя месяц после мировой премьеры фильм «Чарли и шоколадная фабрика» вышел и на российские экраны. Насколько фильм окажется успешным в прокате, будет видно. (Одна из сотрудниц нашего журнала, отправившаяся с сыном посмотреть картину, обнаружила в зале большого кинотеатра всего несколько десятков зрителей, — правда, были еще летние каникулы.) Кинокритики откликнулись на выход картины без промедления, что понятно: ведь поставил фильм Тим Бёртон — «гений современной городской фэнтези и возмутительной трэш-сказки»; едва ли не каждый его фильм (от первых «Бэтменов» до «Сонной лощины» и «Крупной рыбы») таил в себе массу удовольствия для зрителей и поводов к размышлению для тех, кто о кино пишет. Среди откликов на «Чарли...» были и вполне кислые; правда, ответственность за то, что фильм не оправдал чрезмерных ожиданий, кто-то счел возможным возложить на Даля: «Мы ждали и дождались — истории, где прямолинейная назидательность венчается слащавым хеппи-эндом. Дело тут, быть может, в неудачно выбранном первоисточнике... Даль исследует пару-тройку детских смертных грехов и совершает наказание с изощ-

Вилли Вонка собственной персоной

ренностью фрекен Бок. Взамен, однако, не дает ни интриги, ни увлекательных приключений. Бертон расцвечивает убогую фантазию Даля как может. Вот список его любимых приемчиков: тут и смешение реальностью, и ирония, и эксперименты с человеческим телом, и хай-тек, и почти готический комикс, и почти диснеевский мультик. Ничего не помогает.

В этом растрепанном и сумбурном зрелище как будто выросла злокачественная плесень скуки — такая же толстая, как слой шоколада, покрывающий конфеты Вилли Вонки».

Умпа-лумпа в экспериментальном цеху

В руках у Чарли — золотой билет

Сам Бёртон о первоисточнике другого мнения: «...Я отдаю дань книге, потому что в ней есть великая мысль: дети рано или поздно станут взрослыми. Это то, о чем сами взрослые забывают. Очень зловещие вещи случаются с нами в детстве. Мне нравится, когда соединяются такой вид юмора и эмоции».

Канва повествования проста. Владелец гигантской шоколадной фабрики Вилли Вонка в пяти из сотен тысяч плиток шоколада прячет пять золотых билетов: тот, кто найдет их, сможет побывать на таинственной фабрике и получит столько шоколада,

что хватит на всю оставшуюся жизнь. Четыре билета находят, прямо скажем, не лучшие представители детского народа, пятый достается Чарли — приветливому, рассудительному и доброму мальчику из очень бедной семьи, который шоколадку-то получает раз в год на день рождения. (Причем золотой билет Чарли обнаружил как раз не в плитке-подарке: он нашел на улице десять долларов и купил шоколадку в кондитерской...) По ходу дела несносные и неприятные персонажи один за другим отсеиваются (они, успокойтесь, останутся живы), а Чарли открывается секрет главного приза: Вилли Вонка должен выбрать наследника своей Империи.

Но Чарли может оказаться им, лишь расставшись с близкими. Конечно, хороший мальчик Чарли отвергает такое предложение. Но в конце концов всё как-то утрясается...

Не надо быть поклонником педагогических методов фрекен Бок, чтобы признать право художника на попытку донести до ребенка нехитрые моральные истины. Нет ничего плохого в том, что юные зрители получают воспитательный урок, убедившись, что жадность и невоспитанность наказуемы, а верность и искренность вознаграждаются...

А чтобы назидательность не оказалась удруча-

Даль блестяще описывает свойственную детям любовь к сладостям, о которой взрослые хранят только смутные воспоминания. В его книгах сладости часто трамплин, с которого происходит прыжок в мир фантастических ситуаций и возможностей.

Покинув «Рептон» в 1934 году, Даль поступил не в колледж, а на работу в компанию «Шелл», которая отправляла его продавать нефть в Восточную Африку. Когда разразилась Вторая мировая война, Даль вступил в ряды Королевских военно-воздушных сил и стал летчиком-истребителем. В 1940 году его самолет разбился над Сахарой; в результате падения его нос был изуродован. Пластический хирург, занимавшийся его восстановлением, безуспешно пытался придать ему сходство с носом Рудольфа Валентино. Когда у Даля вследствие травм, полученных во время крушения, стало темнеть в глазах, он перестал летать и в 1942 году отправился в Вашингтон в качестве военного атташе. Он встретился с Мартой Геллхорн и Эрнестом Хемингуэем, играл в покер с сенатором Гарри Трумэном. Он начал писать, стараясь запечатлеть опыт военных лет. Он также встретился с Уолтом Диснеем, которому продал «Гремлинов» — свой первый роман для детей. Эта сказка была написана на основе распространённого среди британских военных летчиков поверья о существовании крошечных, похожих на гномов существ, способных саботировать полет.

В 1953 году он женился на Патриции Нил, незадолго перед тем расставшейся с Гэри Купером, и на следующий год купил дом в Бэкингемишере, поблизости от того места, где жила его мать и сестры. Даль обожал своих детей, но в семейной жизни ему пришлось пережить несколько трагедий. Его маленький сын Тео был тяжело ранен (автомобиль задел коляску, когда его няня переходила улицу на Манхэттене). Ребенок выжил, но затем страдал от водянки мозга. Его дочь Оливия умерла от кори в семилетнем возрасте. Треглоун пишет, что вскоре после смерти Оливии Даль и Нил навестили его старого школьного наставника — бывшего архиепископа Кентерберийского. Далю хотелось думать, что Оливия в загробном мире сможет играть с собаками, поскольку она любила их при жизни. Он рассердился, когда архиепископ сообщил ему, что в христианском раю нет места для собак.

В 1965 году у Нил случился инсульт; в это время она была беременна и ожидала рождения их пятой дочери — Люси. Пока она поправлялась, Даль взял на себя все заботы по дому; он даже отвозил детей в школу по утрам. Если он при этом бывал капризен или груб или кидался на людей, обманувших его надежды, кто же может винить его в этом?

Прожив в браке с Нил тридцать лет, он развелся с ней и женился на Фелисити Кросленд, резчице по дереву, с которой его связывали давние

отношения. Фелисити увлеклась садоводством и кулинарией, и Даль, кажется, обрел с ней настоящее счастье и душевный покой. Некоторые книги Даля — «Большой Дружелюбный Великан», «Ведьмы», «Матильда» — были написаны в этот поздний период. В этих произведениях его природная язвительность смягчается безмятежностью, вновь обретенным душевным покоем. В каждой из них в центре внимания автора находится отношения между ребенком и взрослым, выраженные в мечте о полном взаимопонимании и дружбе.

И все же главное у Даля — его желание обеспечить детям триумф над взрослыми. Он — современный писатель-сказочник, которому внутренне близок аргумент, высказанный Бруно Беттлхеймом в 1976 году в книге «О пользе волшебства». Дети нуждаются в темных силах из волшебных сказок, чтобы придать смысл — пусть в символической, условной форме — их собственным чувствам гнева, негодования и беспомощности. Дети также извлекают пользу, узнавая из сказок о насилии и жестокости: это знание идет вразрез с «широко распространенным желанием скрыть от них то обстоятельство, что значительная часть пороков нашей жизни связана с нашей собственной природой, склонностью людей действовать агрессивно, эгоистично, пренебрегая интересами других». Многие сказки (в том числе большинство книг Даля) представляют собой сложные пове-

ствования о том, как сбываются мечты. Они учат читателей, пишет Беттлхейм, что «борьба с трудностями неизбежна в жизни каждого, что она является неотъемлемой частью человеческого существования, но что если вы не уклоняетесь от этой борьбы, мужественно противостояте неожиданному и часто несправедливому удару, вы преодолеваете все затруднения и выходите из этой борьбы победителем». Как бы там ни было, эта утешительная сентенция поддерживает в жизни всех нас.

Наиболее запоминающиеся персонажи сказок Даля — скромные, застенчивые дети, которым тем не менее удается добиться успеха. Тихий, вежливый Чарли Бакет неожиданно становится победителем устроенного Вилли Вонкой соревнования именно потому, что он тих и вежлив.

Мы не можем утверждать, что Даль когда-либо читал Беттлхейма или был человеком, способным заинтересоваться психоанализом. Однако совершенно очевидно, что, размышляя о детстве, он подчеркивал роль борьбы, конфликта, а именно так и поступают психоаналитики. «Я отчетливо и, можно сказать, прекрасно понимаю, что должен преодолеть ребенок, чтобы пробить себе дорогу и дорасти, скажем, до двенадцатилетнего возраста», — сказал Даль в интервью Би-би-си в 1988 году. «На протяжении всей жизни их приучают к дисциплине. Когда вы рождаетесь на свет, когда вам год, два или три, вы остаетесь

нецивилизованным существом. Начиная с этого возраста и до двенадцати или пятнадцати лет, если вы собираетесь стать цивилизованным человеком или членом общества, вы должны научиться дисциплине. А это вещь серьезная. Нельзя больше есть пальцами, плевать на пол, ругаться и так далее и тому подобное. Кто же занимается вашей дисциплиной? Два человека — ваши родители. Хотя ребенок любит маму и папу, подсознательно они его враги. Полагаю, между любовью к родителям и обидой на них пролегал весьма тонкая грань».

Большинство юных читателей Даля не подвергаются жестокому обращению, однако они инстинктивно понимают, что побои и унижения, выпадающие на долю юных персонажей его книг, — не что иное, как метафоры детской незащитности. И они благодарны Далю за то, что он столь безоговорочно встает на их сторону. Между тем взрослые читатели могут найти в книгах Даля объяснение мотивов внезапного раздражения детей и той дистанции, на которой те предпочитают держаться от них. Описанные Далем агрессивные методы приобщения ребенка к цивилизации уже вышли из моды. От них так и веет разговорами о конфликте поколений, эдиповом комплексе и теми печальными временами, когда детей заставляли доедать все, что лежит у них на тарелке. Слава богу, столь грубые формы демонстрации власти взрослых, омрачавшие жизнь многих детей в

пору юности Даля, ныне довольно редки. Возможно, этим отчасти объясняется неприятие взрослыми книг Даля. Поскольку воспитание стало сознательно более «деликатным», а барьер между взрослыми и детьми — менее жестким, многим не хочется огорчаться, читая рассказы о неукротимом детском негодовании. Нам кажется, что мы понимаем наших детей и общаемся с ними куда лучше, чем наши родители или дедушки и бабушки со своими детьми, поэтому не можем себе и представить, что наших детей в глубине души угнетает наш разумный и просвещенный подход к воспитанию. Книги Даля беспощадно развенчивают эту иллюзию гармонии.

Как снисходительный отец, предлагающий детям добавку десерта, Даль стремился предложить им как можно больше того, чего жаждала их душа: побольше рисунков, удивительных фантазий, едких насмешек над вечно брюзжащими, скучными взрослыми, больше картин головокружительного удовольствия. Недавно девятилетний друг моего сына написал мне письмо о том, почему он любит Даля: «Его книги образны и увлекательны. После того, как я прочитал «Чарли и шоколадную фабрику», у меня было ощущение, что я отведал всех сладостей мира».

(Перевод из журнала «The New Yorker» Сергея Карпа, в сокращении, russ.ru)

Ученые белки лущат орехи

еще скучной, Бёртон действительно старался как мог. О серьезности его подхода к производству могла бы свидетельствовать история, рассказанная газетой «Сан». Режиссер будто бы потратил миллионы долларов только лишь на то, чтобы сцена с работающими на фабрике белками выглядела достоверно: он устроил для двух сотен грызунов шестимесячную школу, в которой пушистых актеров учили чистить лесные орехи, сортировать их и загружать на ленту конвейера. Потом отобрали сорок самых талантливых — они-то и

Вот он тонет в шоколадном озере (не надо было пить из шоколадного ручья, ведь не велел делать это Вилли Вонка), чтобы потом застрять в огромной стеклянной трубе, разносящей шоколад по цехам

Один из недостойных (сразу видно) персонажей, Август Глопп, только-только нашедший билет, позирует вместе с матерью перед журналистами

появились в фильме. Скорее всего это апокриф. Наверняка кроме живых белок были еще оживляемые муляжи; да и компьютерная графика на что? Вот ведь незабываемые умпа-лумпы — полторы сотни крошечных человечков, делающих шоколад. Всех их, целое племя, сыграл один Дип Рой, актер индийского происхождения.

На роль Вилли Вонки претендовали такие убедительные знаменитости, как Майкл Китон, Кристофер Уокен, Николас Кейдж, Стив Мартин и Робин Уильямс. А еще — постоянно возникающий в образе дьявола Мэрилин Мэнсон, который разъярял свое видение героя так: «Я рассматриваю Вонку как сатану, потому что он искушает людей выбрать между добром и злом, и они выбирают зло». В конце кон-

Все смотрят на Августа — удастся ли его выковырять из трубы?

цов Бёртон остановился на Джонни Демпе, с которым уже не раз работал. Кстати, отвечая на вопрос корреспондента, слышал ли Джонни, что его героя сравнивают с Майклом Джексоном, актер ответил: «Это никогда не приходило мне в голову. Майкл Джексон не был ингредиентом в коктейле моей интерпретации. И он не мог вдохновить автора книги, которая была опубликована в 1964 году. В то время Майкл Джексон был маленьким мальчиком. В любом случае, Майкл Джексон любит детей, а Вилли Вонка их ненавидит, между ними большая разница». И еще:

Шоколадный хай-тек

— На постройку лодки Вилли Вонки, плавающей в шоколаде, ушло двадцать недель.
— Леденцы на деревьях и гигантские клубки сахарной ваты были вполне съедобными.
— Компания «Нестле» предоставила для съемок 1850 плиток шоколада, а еще 110 000 плиток были сделаны из пластика и упакованы как настоящие.
— Объектив камеры стоимостью 540 000 долларов при съемке чана с шоколадом упал в этот чан и был полностью выведен из строя.
И тем не менее картина была снята. Волшебное дело!